

*В.В.Витюк,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН*

Авторитаризм и гражданское общество

Проблема авторитаризма неминуемо встает перед нами, когда мы ищем объективный ответ на вопрос: "Куда идет Россия?", не подменяя его, как это часто делается, ответом на другой вопрос: "Куда мы хотим, чтобы шла Россия?" Когда лет пять—шесть тому назад некоторые политологи (Клямкин, Мигранян) призывали подумать, можно ли, переходя от тоталитаризма к демократии, миновать этап авторитаризма, энергичное отторжение самой этой постановки вопроса было, хотя и не очень разумно, но вполне естественно. Болезненная память о прошлом еще не потускнела, перестроечный романтизм был

в своем историческом праве, а мысль о том, что он является младшим братом традиционного революционного утопизма, мало кому приходила в голову.

Сегодня вопрос об авторитаризме превратился для нас из чисто теоретического и морально-психологического в насущный и практический. Как показали проведенные еще до сентябрьско-октябрьских событий исследования общественного мнения, огромная часть населения положительно отнеслась к перспективе установления режима "твердой руки", отождествляя его с наведением порядка.

В последние месяцы как реформаторы, так и антиреформаторы, эксплуатируя демократические лозунги, равно обнаруживали склонность к авторитарным методам правления и прямому насилию. Борьба Верховного Совета и президента увенчивается штурмом мэрии и Останкино, с одной стороны, и обстрелом Белого дома танками, — с другой. В Конституции, носящей в целом демократический характер, одновременно легализованы и некоторые механизмы авторитарной формы власти. Прибавим сюда и итоги выборов. Ясно, что хотим мы того или не хотим, вопрос об авторитаризме (в самых различных его ипостасях) сейчас реально поставлен на повестку дня. Между тем до сих пор еще существует страусиное стремление не замечать этого очевидного факта, а его честную констатацию рассматривать как проявление антидемократической ориентации. Хотя признание реальности вовсе не тождественно ее апологетике, а отрицание закономерного всегда ведет к его воплощению в наихудших, болезненных формах и к растерянности от неожиданности его явления.

Серьезный аналитический подход к проблеме авторитаризма, его места и значения в политической истории, его форм в современных условиях предполагает предварительное преодоление, во-первых, морализаторско-утопического подхода к социально-политическому процессу и, во-вторых, крепко въевшихся как в массовое сознание, так и в научную мысль узкотенденциозных и потому ложных представлений о самой природе авторитаризма.

В наших справочных изданиях (и соответственно в научной печати и средствах массовой информации) авторитаризм рассматривается исключительно под углом зрения его противоположности демократии, как "антидемократическая и антиправовая концепция и практика властвования. В условиях [авторитаризма] отсутствует правопорядок, игнорируются права и свободы граждан, общественных организаций и народа в целом". (Философский энциклопедический словарь. М., 1983.) Понятый таким образом, он ничем, по существу, не отличается или почти не отличается от тоталитаризма, который рассматривается как "одна из форм авторитарных государств". Естественно, что при такой трактовке авторитаризм не может не расцениваться как однозначно негативное социально-политическое явление.

Безусловно, авторитаризм как система власти, формируемая не путем свободных выборов, и как способ правления, не подверженный контролю со стороны народа, принципиально отличается от демократии, опирающейся на законы и механизмы, необходимые для воздействия широких слоев населения на власть. Но достаточно четкий водораздел отделяет его также и от тоталитаризма, несмотря на существенное сходство политических принципов и форм. Как подчеркивает, например, А.И.Ильин, авторитаризм распространяет свой диктат на сферу управления государством, но не вмешивается в чисто гражданскую жизнь. Тоталитаризм же характеризуется подавлением и исключением всей и всяческой самостоятельности граждан, их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их хозяйственной инициативы, культурной самостоятельности и т.д. Таким образом, принципиальная разница между тоталитаризмом и авторитаризмом состоит в характере взаимоотношений между государством и гражданским обществом. С точки зрения этого критерия, авторитаризм стоит ближе к демократии, нежели к тоталитаризму, хотя безусловно, что демократия, как политическая форма, адекватна потребностям гражданского общества, а авторитарный режим может давать ему лишь частичный, относительный простор. (Впрочем, не стоит идеализировать и демократию, чреватую угрозой того, что А. де Токвиль называл тиранией большинства.)

Естественно поэтому, что оценка авторитаризма не может быть безотносительной к исторической роли и судьбам конкретных авторитарных режимов, одни из которых способствовали развитию гражданского общества (абсолютные монархии ряда стран Европы в XVII—XVIII вв.), а другие препятствовали этому (русский царизм той же эпохи), одни находились с ним в отношениях более или менее равноправного партнерства, а другие осуществляли прямой диктат над ним или ставили ему серьезные ограничения. Соответственно и формы авторитарной власти могут быть более жесткими и более мягкими, а сама эта власть — проявлять себя в различном качестве: в качестве переходного этапа на пути от тоталитаризма к правовому государству, в качестве орудия подавления всех и всяких либеральных тенденций, в качестве диктатуры, возникшей в результате насильственного ниспровержения демократического строя. Кстати, именно на историческом повороте конца XVIII—начала XIX в., характеризовавшемся борьбой гражданского общества за высвобождение из-под диктата феодального авторитарного государства, и выдвинулась на первый план в американской и европейской политической мысли идея примата конфликтности, а не сотрудничества между государством и гражданским обществом, представление о последнем не столько как о сфере согласования и взаимной притирки разнонаправленных интересов и воле, посредничества между государством и личностью, сколько как о поле боя. Эти идеи возродились сегодня у нас в силу особенности судеб гражданского

общества в условиях господства и краха коммунистической идеологии и советского строя.

Отношения государства и гражданского общества не следует рассматривать односторонне — только через призму воздействия первого на второе. Здесь не менее (а в некоторых поворотах и более) важна обратная связь — влияние гражданского общества на эволюцию и судьбы государства вообще и авторитарного государства в частности. В этом смысле поучительны процессы, происходившие в Испании конца 30-х — середины 70-х годов, и в Чили конца 60-х — конца 80-х годов. В обеих странах после военной победы правых сил утвердились жесткие авторитарные режимы, лидеры которых были не прочь перевести их в ранг режимов тоталитарных и предпринимали серьезные шаги в этом направлении (особенно в Испании, где на долгие десятилетия воцарился фашизм). Это, однако, ни там ни там полностью не удалось. Тут сыграл свою роль в первую очередь сравнительно высокий (особенно в Чили) уровень предшествующего развития гражданского общества, наличие институтов гражданского общества, столь прочно вошедших в жизнь народа и в национальную традицию, что даже предельно репрессивные режимы вынуждены были с ними считаться. Сыграла свою роль и насущная потребность в модернизации производства, невозможной без развития и упрочения определенных форм гражданской самодеятельности. Наконец, сыграло роль стремление правящих кругов продлить свое пребывание у власти, понемногу передавая населению (или его отдельным группам) присвоенные государством чисто гражданские прерогативы и выпуская таким способом пар из котла. Но развитие и укрепление гражданского общества, в свою очередь, ведет к ограничению и сокращению авторитарной власти и приближает переход к демократическому политическому устройству, который был в итоге осуществлен в этих странах посредством реформ, проведенных сверху на базе консенсуса основных социальных сил.

Исторический опыт показывает, что состояние гражданского общества — уровень развития и масштаб распространения его важнейших элементов, степень его оформленности в целостную систему и структурированности — является главным из факторов, предопределяющих утверждение, стабилизацию и дальнейшую эволюцию как демократических сил, так и авторитарных режимов, их конкретные особенности, равно как и формы перехода от вторых к первым. Отсюда вывод, что для анализа этих режимов, для формирования объективных представлений об их социальных возможностях и исторической роли необходимо (не отказываясь, конечно, от учета иных, в том числе внешних факторов) прежде всего изучать реальное состояние и тенденции развития существующих и функционирующих в рамках данных режимов гражданских обществ. Это плодотворнее, чем исходить только из юридических норм, что доказывается, в частности, выразительным примером знаменитой сталинской Конституции. К тому же, если юридические нормы подда-

ются лишь сопоставлению, то элементы гражданского общества — еще и измерению.

Если с этих позиций посмотреть на ситуацию с гражданским обществом в современной России, то мы увидим, что, несмотря на происшедшие за последние годы сдвиги и появление различного рода общественных ассоциаций и движений, гражданское общество, как целостная сфера социума, всеобъемлющая в обусловленных ее природой пределах, обладающая прочными внутренними связями и реальной независимостью от государства, еще не сложилось. Расхожий (и используемый самыми разнонаправленными силами) тезис: "У нас нет гражданского общества", может быть, и чересчур категоричен, но по существу верен. Степень развития гражданского общества у нас именно такова, что оно еще не в состоянии служить достаточной базой для утверждения последовательно демократического режима. Однако эта степень уже такова, что предопределяет и знаменует крах тоталитаризма. Она соответствует возможностям и рамкам авторитарного государства и, пожалуй, нежестким его формам. Это следует учитывать тем политикам и идеологам, которые, не замечая вопиющего противоречия своей позиции, одновременно и упирают на отсутствие у нас гражданского общества, и требуют немедленного установления демократического строя. А также и тем, кто, высокомерно отбрасывая мысль о закономерности на современном этапе обращения к авторитаристским моделям и методам управления любого типа, облегчает формирование и продвижение в политическую жизнь авторитаризма, скроенного по моделям Жириновских, неофашистского, черносотенного, агрессивного-коммунистического толка.

Для России сегодня актуальны как угроза авторитаризма, так и потребность в нем. Практически вопрос состоит не в том, осуществится ли он, но в том, какие формы он примет, как будет соотноситься с уже наличествующими элементами демократии и широкой демократической перспективой. В этой связи пора перестать говорить об авторитаризме вообще: перед нами сегодня целый букет авторитаристских альтернатив разного характера и политического смысла. Здесь и неофашистские тенденции, и возможности, открывающиеся в условиях нынешнего разброда и слабости политической власти перед силовыми министерствами, и притязания бюрократического аппарата, и неугасшие надежды некоторых думских группировок на всевластие выборных органов, и получившая юридическую основу идея президентского режима (и вообще усиления исполнительной власти), который в различных руках и различных обстоятельствах может быть использован для диаметрально противоположных социальных целей. Здесь также и возможность различных вариантов сочетания и переплетения демократических и авторитарных тенденций в нашем социально-политическом процессе.

Задача, следовательно, заключается не в том, чтобы с фанатическим упорством отвергать нежелательное, но в том, чтобы, приняв реальность, сделать оптимальный исторический выбор в поль-

зу такой модели авторитаризма, которая способствовала бы становлению правового государства и противодействовала бы поползновениям обратного порядка. Не утопична ли, однако, такая постановка вопроса? Могут ли демократические силы опираться на авторитарные институты, а последние — поддерживать эти силы? Утопична, если исходить из неопределенной и сомнительной идеи "просвещенного авторитаризма", не имеющего иных опор, кроме добронамеренности правящей элиты. Не утопична, если понять органическую связь модернизации экономики с развитием гражданского общества и на основе этого понимания ввести в практику авторитарных государственных институтов, наряду с этой модернизацией, специальную заботу о создании необходимых условий для его (и его важнейших составных элементов) развития. То, к чему многочисленные правые диктатуры в Европе и Латинской Америке пришли вынужденно, в наших сегодняшних условиях могло бы осуществляться сознательно.

Впрочем, теоретически ясная эта задача практически далеко не проста, если учесть, что движение от тоталитаризма в направлении к демократии у нас не совершается плавно, путем постепенной либерализации режима и нарастающего высвобождения гражданского общества из-под гнета государства. Во-первых, в стране не имелось гражданского общества, обладающего исходно необходимым для такой подготовки реформ уровнем развитости, а также и соответствующей гражданской культуры. Во-вторых, сам трансформационный процесс в России сначала искусственно сдерживался, а затем сорвался с тормозов и пошел вразнос, приведя к экономическому хаосу и острым политическим конфронтациям, в силу чего нарождающиеся элементы гражданского общества в значительной мере обрели извращенный (политизированный или криминальный) характер. Поэтому трудности установления демократического режима предваряются в России трудностями утверждения даже того уровня авторитарности, который необходим любой исполнительной власти, чтобы осуществлять необходимые государственно-административные функции.